

Р.К. Тангалычева

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Статья посвящена анализу стереотипов восприятия и поведения в российско-корейской межкультурной коммуникации. Стереотипы российских студентов о Корее и корейцах выявлены в ходе опроса студентов СПбГУ в 2011 г. Преодоление стереотипов рассматривается на основе модели развития межкультурной восприимчивости М. Беннетта, включающей этноцентристские и этнорелятивистские этапы.

Ключевые слова: *российско-корейская межкультурная коммуникация, стереотипы, поведение, восприятие, модель развития межкультурной восприимчивости.*

Keywords: *Russian-Korean intercultural communication, stereotypes, behavior, perception, developmental model of intercultural sensitivity.*

Под стереотипами в социальных науках понимают стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно-определенный образ, представление о социальном объекте. В таком смысле термин был введен У. Липпманом (Липпман 2004). В основе социального стереотипа лежит реальный психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных своего и чужого опыта (Шихарев 1998: 538). В межкультурной коммуникации стереотипы понимают как обобщенные представления о типичных чертах, характерных для какого-либо народа или его культуры. Стереотипы являются определенными убеждениями и «привычными знаниями» людей относительно качеств и черт характера других индивидов, а также событий, явлений, вещей. По этой причине стереотипы существуют и широко использу-

---

* Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2012 году (AKS-2010-САА-2101).

ются людьми. В зависимости от характера объекта и его места в социальной структуре различают групповые, профессиональные, этнические, возрастные и другие стереотипы.

Общечеловеческие нормы и модели поведения детерминированы биологическими свойствами человека, но существенно коррелируют с социокультурными механизмами. Где бы человек ни жил, он должен есть, спать, одеваться и т. д. В разных культурах, у разных народов это происходит по-разному. Стереотипы поведения диктуют как форму, так и содержание действий. Стереотипное поведение не нуждается в мотивации. Самым весомым аргументом в пользу такого способа действия служит ссылка на закон предков. Такое поведение в определенном смысле сформировано, по П. Бурдые, габитусом (Бурдые 2005), по Э. Гидденсу, рефлексивным практическим сознанием (Гидденс 2005).

Наряду со стереотипами поведения выделяют стереотипы восприятия, под которыми обычно понимается упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей. С помощью этнических стереотипов формируется значительная часть представлений о разных народах.

Формирование и усвоение стереотипов происходит различными путями. Во-первых, они усваиваются в процессе социализации и инкультурации. Во-вторых, они приобретаются главным образом в процессе общения с теми людьми, с которыми чаще всего приходится сталкиваться (родители, друзья, сверстники, учителя и т. п.). В-третьих, стереотипы могут возникать через ограниченные личные контакты (например, единичный негативный опыт переносится на более широкий круг ситуаций и людей). В-четвертых, особое место в образовании стереотипов занимают средства массовой информации (Грушевицкая, Попков, Садохин 2002: 220).

В отличие от этнического стереотипа поведения, предполагающего соответствие определенным социальным нормам, этнический образ представляет собой краткое описание, в котором выделяется какое-то одно типическое свойство и которое основывается на чувственном восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом (Садохин, Грушевицкая 2003: 216–217).

Когда произносят слова «русский» или «кореец», в них обычно вкладывают гораздо больший смысл, чем просто название представителя того или иного народа. Говорящие подразумевают какие-то специфические черты внешности, черты характера, темперамента, принадлежность к определенной религиозной конфессии. Важное место в форми-

ровании этнического образа занимает нрав — характер ограничения своевольных импульсов личности (зона ненормированных и психических состояний: любви, ненависти, ревности и т. п.). Это социально ограниченное проявление темперамента, способ регулирования биопсихических реакций (Там же: 217), играющий особую роль в формировании типичного этнического образа: бесшабашный русский, прагматичный кореец и т. д. Истинность этих образов-стереотипов не так уж значима. Важно, что такие образы существуют и работают в межкультурных контактах: люди склонны воспринимать представителей других народов прежде всего в рамках этнического образа и нередко удивляются, что конкретный человек под этот образ не подпадает.

Стереотипами русского (российского) поведения и мышления занимались многие исследователи. Прежде всего, стоит отметить работы таких выдающихся мыслителей, как Н. Бердяев (Бердяев 2012), Н.Я.Данилевский (Данилевский 2011), Л.П.Карсавин (Карсавин 1922), Н. Лосский (Лосский 1957), Л.Н. Гумилев (Гумилев 2008), Д.С. Лихачев (Лихачев 1999). Среди современных авторов эти темы освещались А.О. Бороноевым (Бороноев, Смирнов 2001), П.И. Смирновым (Смирнов 2004), А. Карминым (Кармин 2001), З.В. Сикевич (Сикевич 1995; 1996), П.Н. Шихаревым (Шихарев 2000), Ю.А. Прохоровым, И.А. Стерниным (Прохоров, Стернин 2002), А.И. Пригожиным (Пригожин 2006), Н. Тихоновой (Тихонова 2006), А.В. Сергеевой (Сергеева 2004) и др. Одним из обстоятельных современных трудов, посвященных историческому развитию русского народа с X в. и до наших дней, формированию историко-культурных ареалов, семейному и общественному быту, религиозным верованиям, народной этике, является книга «Русские» из серии трудов Института этнологии и антропологии РАН «Народы и культуры» (Русские 1999). Известны также работы западных исследователей. К примеру, можно сослаться на описание стереотипов русского поведения николаевской России Маркиза де Кюстина (Кюстин де 2008) и на популярное описание российского стиля делового поведения Р.Д. Льюиса (Льюис 2001). Любопытное исследование современного южнокорейского образа России проведено американским корееведом С. Ипстейном (Epstein 2011: 529–535).

Корейская традиционная культура также изучалась российскими учеными, начиная с конца XIX в. Именно на восточном факультете Санкт-Петербургского Императорского университета в 1897 г. впервые началось систематическое преподавание и изучение корейского языка и культуры в Европе. Во второй половине XX в. в рамках отечественной школы корееведения разрабатывалась самая разнообразная проблематика, включающая и изучение советских (российских) корейцев. Особенно можно отметить работы известных российских корееведов-этно-

графов Р.Ш. Джарылгасиновой и Ю.В. Ионовой. Работы Р.Ш. Джарылгасиновой стали первыми в отечественном корееведении фундаментальными исследованиями этнографии корейцев. Без них невозможно понимание частных явлений корейской культуры, к которым относятся и поведение. Особенно ценны в этом отношении работы, посвященные быту корейцев Средней Азии, позволяющие сопоставить некоторые поведенческие формы (Джарылгасинова 1979; 1980; 1996). В монографии Ю.В. Ионовой «Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в.» впервые были рассмотрены обряды жизненного цикла с точки зрения их социальной значимости. В этой монографии даются развернутые описания корейских обрядов (Ионова 1963; 1982).

Изучением культа предков и категории «сыновней почительности» в традиционном корейском обществе занимается С.О. Курбанов. В его работах неоднократно подчеркивалась социальная значимость культа предков и ее роль в формировании базовых мировоззренческих установок корейцев, которые, безусловно, существенно влияют на их поведение (Курбанов 2007). Различные аспекты традиционной корейской культуры рассматриваются также и в работах М.И. Никитиной (Никитина 1982; Никитина, Троцевич 1969), А.Ф. Троцевич (Троцевич 2004), Л.Р. Концевича (Концевич 2003), В.Д. Аткинина (Аткинин 1999), Т.М. Симбирцевой (Симбирцева 2000), А.Н. Ланькова (Ланьков 1995; 2000), Д.А. Самсонова (Самсонов 2007) и др.

Традиционная и современная культура корейцев всегда привлекала внимание и многих западных специалистов. Работы американских и западноевропейских ученых, будучи подкреплены богатым материалом полевых исследований, проведенных в 1960–1980-х гг. в корейских деревнях и городах, дают полезный и интересный материал по традиционному поведению корейцев (Janelli 1982; Brandt 1971; Kendal 1996).

Среди современных исследований выделим анализ принципов корейской культуры Дж. Ферранте (Ferrante 1992), обзор ключевых понятий деловой и культурной коммуникации Бойе де Менте (De Mente 1998), сопоставительный обзор американских и корейских паттернов и ожиданий С. Оак и В. Мартин (Oak, Martin 2001). Американский образ Кореи на основе изучения СМИ, телевидения и кинематографа был всесторонне представлен К. Коулманом (Coleman 1997). Конечно, и сами корейцы уделяют немалое внимание разработке темы своих культурных паттернов и стереотипов (Myung-Seok Park 1994; Korean Anthropology... 2010).

Переходя к анализу стереотипов в области российско-корейской межкультурной коммуникации, а также их преодолению, обратим вни-

мание на важное для нас обстоятельство. Во многих контекстах термин *кросскультурная коммуникация* используется как синоним термина *межкультурная коммуникация*. Д. Мацумото пишет, что в контексте коммуникации разницы между этими терминами нет, «однако имеется важное различие между кросскультурным и межкультурным исследованием. *Кросскультурное исследование* относится к сравнению двух или более культур по некоторой интересующей переменной... *Межкультурное исследование* имеет отношение к изучению интеракции между представителями двух конкретных культур» (Мацумото 2008: 464). Следуя этому разграничению, можно сказать, что в российской науке сложился солидный пласт исследований, посвященных как изучению автостереотипов русского (российского) поведения, так и стереотипов корейской традиционной культуры. Вместе с тем практически отсутствуют работы по межкультурной коммуникации между россиянами и корейцами, пусть даже опосредованной СМИ. Отчасти это можно объяснить тем, что реальные контакты россиян с корейцами носили ограниченный характер, распространяясь в основном на местных корейцев, проживающих на территории и России и стран СНГ. Понятно, что эти контакты происходили в рамках доминирующей российской культуры (на базе основного компонента культурной коммуникации — русского языка) и советской идеологии интернационализма, стирающей значимые культурные различия. Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея были установлены только в 1990 г., и Южная Корея для жителей европейской части России до сих пор является далекой экзотической страной, информация о которой редко просачивается по телевидению и в других СМИ и путешествия в которую затруднены из-за слишком большого расстояния и, следовательно, дороговизны.

Для характеристики стереотипов восприятия в области российско-корейской межкультурной коммуникации обратимся к представлениям российской молодежи о Корее и корейцах, которые были выявлены в ходе опроса по теме «Корея и корейцы глазами российских студентов». Опрос проводился в апреле-мае 2011 г. на факультете социологии СПбГУ. В нем приняли участие 300 студентов разных факультетов СПбГУ в возрасте от 19 до 25 лет, из них 48,3 % — девушки и 51,7 % — молодые люди. Один из основных вопросов анкеты был посвящен перечислению образов, характеристик или идей, которые приходят на ум респондентам, когда они думают о Корее и корейцах. Сразу следует сказать, что респонденты, участвовавшие в опросе, никогда не посещали Южную Корею, и их достаточно скудные знания о Корее и корейцах, на наш взгляд, скорее попадают в категорию стереотипных представлений.

Если сгруппировать наиболее часто упоминаемые ответы на этот вопрос, то можно выявить преобладание следующих представлений:

- кулинарные особенности («морковь по-корейски» — 60 %, «собаки, едят собак» — 12,6 %, «корейская кухня» — 12 %, «острая пища» — 7 %, «экзотическая кухня» — 3,3 %);
- идеология, последствия «холодной войны» («разделение нации на Юг и Север» — 12 %, «коммунизм» — 9 %, «ядерное оружие» — 5 %, «Ким Чин Ир» — 4,3 %, «ядерный конфликт» — 2,6 %);
- внешние характеристики корейцев («узкие глаза» — 14,3 %, «маленький рост» — 8,7 %, «характерная азиатская внешность» — 8,7 %, «темные, черные волосы» — 3,7 %);
- технологические достижения («техника» — 7 %, «автомобильная промышленность» — 6,7 %, «технологические достижения, прогресс, развитие, техника» — 3 %, «высокий уровень технологического развития» — 2,3 %);
- характеристики менталитета корейцев («трудолюбие» — 5 %, «восточный склад ума» — 4,7 %, «добрый, дружелюбный, улыбчивый народ» — 4 %, «традиции» — 3,7 %).

Также можно привести образы Кореи, несводимые в группы: «красивая природа» — 6,7%, «боевые искусства, тхэквондо» — 4,7 %, «маленькая страна» — 3 %. 2,3 % опрошенных студентов ассоциируют Корею с футболом («футболист Пак Жи Сунн, тренер российской и корейской сборной Гус Хиддинк», «чемпионат мира по футболу 2002 г.»). В ходе опроса были обнаружены и абсолютно противоположные представления: у 2 % студентов Корея ассоциируется с «бедностью», а у 1,7 % — с «хорошим уровнем жизни».

Как видим, петербургские студенты имеют размытое, смутное представление о Корее и корейцах. Образ Кореи и корейцев не ассоциируется строго с Южной Кореей, поскольку, как уже говорилось, дипломатические отношения между двумя странами были установлены чуть более двух десятилетий назад, и численность южных корейцев, проживающих в Санкт-Петербурге, невелика (по данным Генерального консульства Республики Корея в Санкт-Петербурге — около 1000 чел.). До этого на протяжении целых десятилетий Советский Союз имел тесные многосторонние отношения с КНДР. Старшее поколение россиян до сих пор воспринимает Корею, прежде всего, как идеологического союзника прежних лет. Кроме того, на территории СНГ проживает около 1,5 млн. корейцев, из них 500 тыс. — в России.

Поскольку ниже мы будем рассматривать механизм преодоления стереотипов в российско-корейской межкультурной коммуникации, и нам следует оперировать примерами обоюдных (и российских, и корейских) гетеростереотипов, то сошлемся также на исследование, кото-

рое было проведено автором данной статьи в Сеуле. Южнокорейским студентам было предложено в свободной форме изложить их впечатления о российских городах, контактах с россиянами, работе различных учреждений, любопытных случаях из их жизни в России и т. д. Все эти студенты прожили от полугода до полутора лет в разных российских городах, главным образом в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Туле, Новосибирске. Их пребывание в России, как и для других иностранцев, было связано с переживанием в разных формах «культурного шока», в ходе которого были поставлены под сомнение многие ценности и нормы их собственной культуры. Кроме того, как отметили практически все авторы сочинений, после сравнительно длительного пребывания в России у них появился обостренный интерес к своей собственной культуре. Поскольку в своих сочинениях корейские студенты затронули многие аспекты жизни в России, и в данной работе нет возможности остановиться на каждом из них, мы выбрали в качестве объекта рассмотрения восприятие корейцами категории времени в российской повседневной культуре (Тангалычева 2012).

Используя примеры мнений и оценок корейских студентов о России и русских, остановимся коротко на характеристике особенностей мышления студентов, определивших специфику изложения их впечатлений от пребывания в нашей стране. Дело в том, что Корея относится к тем культурам, в которых открытое декларирование конфликта не принято. Считается, что вынесение конфликта наружу связано не с его разрешением, а, напротив, с его искусственным разжиганием. Такого рода установка приводит корейцев к необходимости выработки (во всяком случае, на уровне вербального общения) позитивного взгляда на события и явления окружающей реальности. Эта черта корейцев, как, впрочем, и других представителей дальневосточных культур, нашла свое конкретное проявление в тех мнениях и суждениях относительно России и русских, с которыми мы будем иметь дело в данной работе. Кроме того, поскольку студенты писали сочинения по просьбе российского преподавателя, то именно этой установкой корейцев на бесконфликтность можно объяснить их утверждение о том, что между корейцами и россиянами много сходства, по крайней мере, гораздо больше, чем между ними и американцами.

Преодоление стереотипов и формирование адекватных представлений (и соответствующего поведения) зависят от уровня знаний о культуре и ее носителях, а также от наличия непосредственных межкультурных контактов между разными людьми. В теории и практике межкультурной коммуникации разработаны общекультурные и культурно-специфические методы преодоления этнических стереотипов и предрассудков, среди них когнитивные тренинги, полевые экскурсии

и «классные комнаты», тренинги по технике культурного ассимилятора и др. На наш взгляд, последовательность преодоления стереотипов поведения и восприятия российско-корейской коммуникации можно проанализировать на основе модели развития межкультурной восприимчивости Милтона Беннетта (DMIS — Developmental Model of Intercultural Sensitivity). Он разделил процесс освоения инокультурной среды на два этапа: этноцентристский, когда индивид стоит на позициях исключительно своей культуры и всеми силами дистанцируется от другой культуры, и этнорелятивистский, когда индивид начинает осваивать другую культуру вплоть до полной интеграции с ней (Bennett 1986; 1993). Для этноцентристского этапа характерны такие проявления, как отрицание культурных различий, защита от них и их минимизация. Для этнорелятивистского — принятие различий, адаптация к ним и интеграция двух культур.

Отрицание культурных различий свойственно людям, не имеющим никакого опыта общения с представителями других культур и знакомых только с монокультурной средой. Различия между культурами не осознаются и сводятся в лучшем случае к немногим формальным признакам из крайне обобщенных стереотипов. Собственная культура считается единственно возможной. Отрицание может проявиться в форме изоляции, которая понимается, прежде всего, как физическая изоляция народов и культур друг от друга. Примером изоляции может быть и поведение многих туристов за границей, где они замечают только хорошо знакомые символы своей культуры. Корейцам и россиянам тоже свойственно искать контакты со своими соотечественниками за рубежом, питаться в ресторанах и кафе своих национальных кухонь и т. д. Однако такого рода поведение характерно для непродолжительного пребывания в другой стране. Чем дольше человек живет в инкультурной среде, тем сильнее он интересуется местными обычаями и стилями. В целом, для российско-корейской межкультурной коммуникации такая ситуация несвойственна по двум причинам. Во-первых, в современной России проживает более 140 народностей и этнических групп, среди которых есть и корейцы, постоянно живущие здесь. Поэтому среднестатистический россиянин привык жить в поликультурном контексте, хотя с учетом доминирования русского языка и российских культурных привычек. Южная Корея, в свою очередь, хотя и являлась на протяжении столетий моноэтнической страной, в современных условиях глобализации проводит политику мультикультурализма: страна открыта для иностранцев, в ней размещаются представительства крупнейших международных компаний, учатся иностранные студенты, заключаются браки с иностранцами и т. д.

Отрицание культурных различий также может выступать в виде сепарации, т. е. возведения физических и социальных барьеров для созда-

ния дистанции от всего, что отличается от собственной культуры. Это характерно для людей, не имеющих никакого опыта общения с представителями другой культуры. Различия между культурами не осознаются и сводятся в лучшем случае к немногим формальным признакам из крайне обобщенных стереотипов. Так, в российско-корейской коммуникации это может проявляться как высказывания россиян по поводу корейской культуры типа: «маленькая страна», «красивая природа», «острая пища», «морковь по-корейски» и т. д. Корейцы в свою очередь могут говорить о России и русских: «огромная страна», «холодные зимы», «мрачная погода», «хмурые люди» и т. д.

В случае *защитной позиции* индивид воспринимает ценности и нормы, принятые в родной культуре, как единственно «правильные», ценностные. При этом поведенческие системы других культур отвергаются и уничижаются. Первой формой защитной реакции является диффамация (клевета) — негативная оценка различий, формирование негативных стереотипов, распространяемых на этнос, пол, религию, бытовые привычки («едят мясо собак», «узкие глаза», «доминирование мужчин», «зависимость от США» и др.). Для российской культуры характерно концентрироваться на внешних, физических различиях между людьми, принадлежащими к разным этносам. Со стороны корейцев можно услышать разговоры о пристрастии россиян к алкоголю, о легкомысленном поведении российских женщин, о военной угрозе, о низком уровне жизни в современной России (бедности) и др. В качестве примера можно привести описание гендерных стереотипов корейцев о россиянах, тиражируемых в корейских СМИ. Так, символом российской маскулинности для корейцев, согласно американскому корееведу Стефену Ипстейну, выступает Владимир Путин, блестяще занимающийся различными видами спорта, даже дзю-до, рыбалкой, и ставший несколько лет назад обладателем специально ему посвященного молодыми российскими женщинами календаря. Этот образ воспроизводится в корейских СМИ, по мнению исследователя, без малейшей доли иронии. В корейских сериалах российские мужчины часто изображаются как грубоватые, сильно курящие люди, включенные в рискованные мероприятия, не брезгающие даже работоторговлей. Женские образы России ассоциируются в корейских СМИ с Анной Чапман, одним своим ликом позирующей в журнале «Максим», а другим — изображающей «Джеймса Бонда в юбке», женщину с сильной склонностью к авантюризму (Erstein 2011: 529–535).

На второй стадии представители определенной культуры подчеркивают превосходство своей культуры, свой «более высокий» статус в обществе и т. п. Обратимся к сочинениям корейских студентов за конкретными примерами. Практически все студенты пишут о медлительности

работников сервиса в России — ресторанов, кафе, банков, офисов по продаже билетов на железнодорожных вокзалах и в отделениях аэропортов, учреждений образования и т. д. Всем без исключения студентам во время своего пребывания в российских городах пришлось столкнуться с таким явлением, как очередь. Особенно большие очереди были замечены ими в банках и офисах по продаже билетов междугороднего сообщения. Даже в случаях, когда в очереди стояло всего лишь несколько человек, ожидание могло продолжаться, по мнению корейцев, изнурительно долго. Как они отмечают, часто медлительность в работе персонала российского сервиса бывает связана с недостаточно современным уровнем технического оснащения учреждений и компаний. Используемые компьютеры часто выходят из строя или просто работают слишком медленно. Следует заметить, что южнокорейские студенты, будучи представителями, так сказать, «модернизированной» страны, в повседневной жизни у себя на родине никогда не сталкивались с подобными проблемами.

По мнению корейцев, в очередях корейцы и русские ведут себя совершенно по-разному. В своей стране корейцы проявляют нетерпеливость и всем своим видом стараются показать, что ситуация «очереди» совершенно ненормальная и следует принять срочные меры. Обычно откуда-то внезапно возникают дополнительные работники и быстро обслуживают скопившихся людей. В случае необходимости даже менеджеры компании могут выйти к клиентам и обслужить их. Россияне же, как заметили корейцы, напротив, проявляют огромное терпение в подобных ситуациях. Во-первых, они не рассчитывают ни на какую мобилизацию со стороны работников сервиса. Более того, россияне терпимо относятся к тому, что их вообще часто игнорируют. Порой работники сервиса оказываются погруженными в решение своих внутренних задач, а то и в обсуждение своих личных бытовых и дружеских / романтических забот и волнений в гораздо большей степени, чем в выполнение своих профессиональных обязанностей. Комментируя это обстоятельство, южнокорейские студенты часто вспоминают выученную ими русскую поговорку: «работа не волк, в лес не убежит» — и полагают, что она до сих пор характеризует отношение многих людей к своей работе в России. И, во-вторых, как показалось иностранцам, российские потребители «сервисных услуг» вовсе не в обиде на нерадивых работников. Они, как добродушно полагают южнокорейские студенты, «наслаждаются» общением друг с другом, стоя в очереди или дожидаясь внимания со стороны обслуживающего персонала. Корейцы обратили внимание и на то, что русские очень разговорчивы в общественных местах. Провести час-другой, обсуждая вопросы семьи, быта, пересказывая друг другу истории из жизни своих знакомых, давая многочисленные советы по

поводу приготовления пищи, ведения хозяйства и др. для русских, по мнению корейцев, — сплошное удовольствие. Как видим, корейцы «читают» контекст российской повседневности не так, как понимают его сами россияне, т.е. с позиций этноцентризма.

На последней стадии этноцентризма происходит *минимизация культурных различий*. Эта фаза предполагает, что человек признает за другими культурами право на определенные различия в поведении и восприятии, однако считает, что ценностные системы, т. е. представления о том, к чему необходимо стремиться в жизни и чего необходимо избегать, во всех культурах совпадают.

Первой формой минимизации является физический универсализм, исходящий из того, что все люди, независимо от их этнической или культурной принадлежности, имеют общие физические характеристики, которые обеспечивают одинаковые материальные потребности и требуют поведения, понятного любому другому человеку. Логичным следствием из этих посылок будет утверждение, что все культурные различия сводятся к нескольким не очень существенным характеристикам («в Корею принято сидеть на полу»). Своеобразным аналогом физического универсализма является трансцендентальный универсализм, предполагающий, что все люди являются продуктом некоего единого принципа или подхода (чаще всего Бога). В российско-корейской коммуникации эту роль долгое время играла идеология. Приверженность коммунистическим принципам КНДР рассматривалась как универсальная платформа, на базе которой различия минимизировались. В настоящее время, наоборот, доминирующей идеологией в России является установка на рыночные отношения, что сближает ее с Республикой Корея. Как показал опрос петербургских студентов, самые живые реакции у них вызвали вопросы о корейских компаниях. Почти половина респондентов смогли назвать такие корейские компании, как «Хендэ», «Самсунг», «Киа» и «LG». Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует об определенной универсализации восприятия молодежи разных культур вокруг ценностей современного общества потребления. На этой основе вполне возможна минимизация культурных различий: если люди пользуются товарами одних и тех торговых марок, они, вероятно, найдут какие-то точки соприкосновения и в своих непосредственных контактах.

Этнорелятивистский этап начинается с постепенного *признания культурных различий*. Разница между поведением и мировоззрением представителей разных культур четко осознается и в то же время не подвергается ярко выраженной положительной или отрицательной оценке. Вначале признается различие в поведении, затем — в культурных ценностях. Самое очевидное различие в культуре — это различие языка.

Человек начинает осознавать, что два разных языка — это не только разные коды общения, но и разные средства формирования мышления. Изучение корейского языка способствует принятию корейских взглядов на мир, их ценностей, образцов мышления и поведения. То же самое происходит, когда корейцы изучают русский язык.

На стадии *адаптации к культурным различиям* человек начинает варьировать свое поведение в зависимости от культурной специфики ситуации, в которой он находится, адекватно истолковывать поведение партнера по коммуникации и реагировать на него таким образом, чтобы коммуникация была успешной. Эмпатия означает возможность испытывать разные ощущения в процессе коммуникации на основе своих представлений о потребностях другого человека. На этой стадии люди часто ищут сходства в поведении у представителей своей культуры и той культуры, к которой приходится адаптироваться. Так, корейские студенты обнаружили общее между собой и россиянами в отношениях между друзьями и близкими. Они единодушно отметили отзывчивость и сердечность россиян. Например, люди в России не жалеют своего времени для проведения совместного досуга, организации совместных мероприятий. Причем, по мнению корейцев, в этой сфере взаимоотношений русских проявляется склонность к спонтанности — люди не рассчитывают заранее время, которое они собираются потратить на встречу с друзьями или знакомыми. В России можно прийти в гости к знакомым без предварительной договоренности или по внезапному звонку по телефону в последний момент. Эта черта россиян показалась корейцам очень привлекательной, и почти все они написали, что в этом смысле между россиянами и корейцами много сходства. Вместе с тем многие из них отметили, что эта черта национального характера абсолютно отсутствует, скажем, у американцев. Последние, на взгляд корейских студентов, излишне расчетливы даже во время проведения своего досуга в кругу друзей: встречи назначаются чуть ли не за месяц, спонтанность ни в каких формах не приветствуется и т. д.

Можно привести и другой пример эмпатического чувства. Без преувеличения можно сказать, что корейцев восхищает то, с каким энтузиазмом наши соотечественники рассказывают об основании своих городов, о российских императорах, знаменитых зодчих, композиторах, художниках, полководцах, ученых. Удивляет корейских студентов и хорошее знакомство обычных горожан с музеями, театрами, садово-парковыми ансамблями, а также та гордость, которую испытывают наши соотечественники по отношению к прошлым достижениям страны. Отчасти эти удивление и восторг корейцев можно объяснить тем, что музеи и театры как учреждения культуры не получили особого распространения в традиционной Корее и развиваются только в последние

десятилетия. В этой связи можно в качестве примера привести следующее. Один студент написал о событии, которое больше всего его поразило в России: бабушка и внук в той русской семье, в которой он жил в Санкт-Петербурге во время учебы в университете, периодически ходили в театр на оперы и балеты. Он отметил, что в его стране подобное встречается исключительно редко. Обычно корейские бабушки в гораздо большей степени озабочены удовлетворением основных жизненных потребностей своих внуков, и они редко проводят время вместе вне дома.

Эмпатическое чувство развивается у человека долгие годы, обретая форму все возрастающих знаний о других культурах, изучения иностранных языков, понимания разных коммуникативных стилей. Более глубокая адаптация связана с плюрализмом, под которым имеется в виду полное понимание различий в конкретных культурных ситуациях. Фактически результатом плюрализма является бикультурализм или мультикультурализм.

Интеграция культурных различий подразумевает, что человек не только обладает способностью подстроиться под ситуацию межкультурного общения и адекватно реагировать на поведение партнера из другой культуры, но и может как бы «переключать» свое восприятие и поведение между двумя или несколькими культурами, чувствовать себя в зависимости от обстоятельств представителем либо одной, либо другой культуры.

Первая фаза интеграции — контекстуальная оценка — описывает механизм, который позволяет человеку анализировать и оценивать ситуацию наличия нескольких вариантов культурного поведения, т. к. на уровне адаптации возможна такая ситуация, когда человеку все альтернативные модели поведения кажутся одинаково хорошими. Контекстуальная оценка позволяет человеку выбрать наилучшую модель поведения в конкретной ситуации: где-то поступить по-русски, где-то — по-корейски.

Некоторые люди идут дальше и овладевают так называемой конструктивной маргинальностью. На этом уровне появляется мультикультурная и даже маргинальная личность. Она находится вне культурных рамок в силу возможности подняться на метауровень анализа ситуации. Достижение этого уровня характерно для людей, которые долгие годы жили и работали в Корее или в России, может быть, даже вступили в брак с представителем другой культуры и имеют общих детей. П. Бурдье в очерке «Кодификация» следующим образом описывает подобное поведение. «Кодифицировать — это одновременно придавать форму и соблюдать формальности. Существует собственное свойство формы. И культурное освоение есть всегда освоение форм. Это одна из причин, по которой этнология очень трудна: такое культурное освоение не со-

вершается в один день. Все эти игры с приданием форм, как можно видеть на примере эвфемизмов, являются в той же мере и играми с правилами, а через это — двойными играми, делом виртуозов. Чтобы держаться в рамках правил, нужно чувствовать кончиками пальцев правила, противников, игру. Если бы нужно было предложить транскультурное определение совершенства, я бы сказал, что это умение играть по правилам игры до предела, вплоть до нарушения, полностью оставаясь в границах правил» (Бурдые 1994: 121).

Справедливости ради стоит заметить, что стереотипы могут не только создавать препятствия в коммуникации, но и приносить определенную пользу (Грушевицкая, Попков, Садохин 2002: 224–225). Это возможно в следующих случаях:

- если их сознательно придерживаются. Индивид должен понимать, что стереотип отражает групповые нормы и ценности, групповые черты и признаки, а не специфические качества, свойственные отдельно взятому индивиду из данной группы;
- если стереотипы являются описательными, а не оценочными. Это предполагает отражение в стереотипах реальных и объективных качеств и свойств людей данной группы, но не их оценку как хороших или плохих;
- если стереотипы точны. Это означает, что стереотип должен адекватно выражать признаки и черты группы, к которой принадлежит человек;
- если стереотипы представляют собой лишь догадки о группе, но не прямую информацию о ней. Это означает, что первое впечатление о группе не всегда является достоверным знанием обо всех индивидах данной группы;
- если стереотипы модифицированы, т. е. основаны на дальнейших наблюдениях и опыте общения с реальными людьми или исходит из опыта реальной ситуации.

Вместе с тем стереотипы могут и препятствовать межкультурной коммуникации. Это происходит в тех случаях, когда:

- за стереотипами не удастся выявить индивидуальных особенностей людей. Стереотипизация предполагает, что все члены группы обладают одинаковыми чертами. Такой подход применяется ко всей группе и к отдельному индивиду на протяжении определенного промежутка времени, несмотря на индивидуальные вариации;
- стереотипы повторяют и усиливают определенные ошибочные убеждения и верования до тех пор, пока люди не начинают их принимать за истинные;
- стереотипы основываются на полуправде и искажениях. Сохраняя в себе реальные характеристики стереотипизируемой группы, стерео-

типы при этом искажают действительность и дают неточные представления о людях, с которыми происходят межкультурные контакты.

Представляется, что дальнейшее изучение формирования и преодоления стереотипов российско-корейской коммуникации будет способствовать интеграции двух культур и успешному межкультурному общению россиян и корейцев.

Литература

- Аткнин В.Д.* О корейских терминах родства // Алгебра родства. 1999. № 4.
- Бердяев Н.* Русская идея. М., 2012.
- Бороноев А.О., Смирнов П.И.* Россия и русские. СПб.: Санкт-Петербургская панорама, 2001.
- Бурдые П.* Кодификации // Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005.
- Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005.
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации / Под ред. А.П.Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
- Гумилев Л.Н.* От Руси до России. М.: Эксмо, 2008.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
- Джарылгасинова Р. Ш.* Этногенез и этническая история корейцев. М.: Наука, 1979.
- Джарылгасинова Р.Ш.* Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980. С. 43–74.
- Джарылгасинова Р.Ш.* Послесловие и комментарии к статье Н. И. Конрада «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX-XX веков» // Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М.: РОССПЭН, 1996. С. 449–464.
- Ионова Ю.В.* Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 564–581.
- Ионова Ю.В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.
- Кармин А.* Культурология. М.: ЮНИТИ, 2001.
- Карсавин П.Л.* Восток, Запад и русская идея. Петроград, 1922.
- Концевич Л. Р.* Избранные работы. М.: ИВ РАН, 2003.
- Курбанов С.О.* Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
- Кюстин де А.* Николаевская Россия. М.: Вира-М, 2008.
- Ланьков А. Н.* Политическая борьба в Корее XVI-XVII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995.
- Ланьков А. Н.* Корея: будни и праздники. М.: Международные отношения, 2000.
- Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

- Лихачев Д.С.* Раздумья о России: Сборник. СПб.: Logos, 1999.
- Лосский Н.* Характер русского народа. М.: Посев, 1957.
- Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001.
- Мацумото Д.* Человек, культура, психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.
- Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.
- Никитина М. И., Троцевич А. Ф.* Очерки истории корейской литературы до XIV века. М.: Наука, 1969.
- Пригожин А.И.* Российский этос: обогащение или лечение? // Общественные науки и современность. 2006. № 3.
- Прохоров Ю.А., Стернин И.А.* Русское коммуникативное поведение. М.: ФЛИНТА, 2002.
- Русские.* М.: Наука, 1999.
- Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Этнология. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
- Самсонов Д.А.* «Этнические стереотипы поведения корейцев». Автореф. дисс. ... канд. исторических наук. СПб., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2007.
- Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта Наука, 2004.
- Сикевич З.В.* Система этностереотипов в массовом сознании русских // Вестник Российского гуманитарного научного фонда / Вестник РГНФ. 1996. № 3. С. 53–58.
- Сикевич З.В.* Национальный характер русских // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1995. Вып. 4. С. 58–64.
- Симбирцева Т. М.* Корея на перекрестке эпох. М.: Муравей-Гайд, 2000.
- Смирнов П.И.* Слово о России. Беседы о российской цивилизации. СПб.: Химиздат, 2004.
- Тангалычева Р.К.* Время в российской повседневной культуре глазами южнокорейских студентов // Тангалычева Р.К. Теории и кейсы межкультурной коммуникации в условиях глобализации. СПб.: Алетейя, 2012. С. 157–167.
- Тихонова Н.Е.* Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
- Троцевич А. Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Шихарев П.Н.* Стереотип социальный // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра-М, 1998.
- Шихарев П.Н.* Введение в российскую деловую культуру: учеб пособие. М.: АСТ, 2000.
- Bennett M.J.* A developmental approach to training intercultural sensitivity // J. Martin (Guest Ed.). Special Issue on Intercultural Training, International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10. No. 2. Pp. 179–186.
- Bennett M.J.* Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity (revised) // R.M. Paige (Ed.). Education for the Intercultural Experience. Yarmouth, Me: Intercultural Press, 1993.
- Brandt V.* A Korean Village between farm and sea. Cambridge, 1971.

Тангалычева Р.К. Преодоление стереотипов восприятия и поведения...

Coleman C.S. American Images of Korea. Seoul, Hollym Corporation, 1997.

De Mente B. NTC's dictionary of Korea's business & cultural code words. USA, NTC Publishing Group, 1998.

Epstein S. From Russia with Love: Contemporary South Korean Images of Russia// 25th Biennial AKSE Conference. Moscow, June 17–20, 2011. Pp. 529–535.

Ferrante J. Culture. With Emphasis on the Republic of Korea / Ferrante J. Sociology. A Global Perspective. Belmont, California, 1992.

Janelli R.L. Ancestor worship and Korean society. Stanford, 1982.

Kendal L. Getting Married in Korea: of gender, morality and modernity. California, 1996.

Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul: Hollym International Corp., 2010.

Myung-Seok Park. Communication styles in two different cultures: Korean and American. Seoul: Han Shin Publishing Co., 1994.

Oak S., Martin V. American / Korean Contrasts. Patterns and Expectations in the U.S. and Korea. Seoul, Hollym International Corp., 2001.